

На правах рукописи

ЖИГУЛЬСКИЙ Андрей Владимирович

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В 1930-Е ГОДЫ
(на материалах Тамбовского региона)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Тамбов – 2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», на кафедре всеобщей и российской истории

Научный руководитель:

Дьячков Владимир Львович,
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Леонов Сергей Викторович,
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Институт социально-гуманитарного образования, кафедра истории, профессор

Посадский Антон Викторович,
доктор исторических наук, доцент, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина (филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»), кафедра истории государства, права и международных отношений, профессор

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Защита состоится 24. 11. 2018 г. в _____ часов на заседании Объединенного диссертационного совета Д 999. 169.03 на базе ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 к, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392002 Тамбов, ул. Советская, 6 и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» <http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат диссертации разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жуковская Наталия Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторической наукой событий 1930-х гг. Мероприятия, проводимые государством в этот период, оказали существенное влияние на изменение социальной структуры общества, экономики, а также мировоззрения людей.

Научно актуальной является и методика обработки содержания как государственных архивных документов, так и источников личного происхождения, включающая создание электронных баз данных с множеством связанных информационных параметров, что при условии необходимой репрезентативности обеспечивает надежный исследовательский результат.

Степень изученности темы. Исследовательские работы, в которых затрагивается тема взаимоотношения различных социальных групп населения с государством, появляться стали сравнительно недавно. Исключением является лишь исследование Б. Б. Кафенгауза «Купеческие мемуары»¹, где была сделана попытка изучить внутренний мир сословия, его интересы и взгляды.

С середины 1960-х гг. возрос интерес учёных к истории, в центре которой находится личность². В конце 1980-х гг. в связи с общими социально-политическими переменами в стране был поставлен вопрос о «человеческом факторе», его роли в истории³. Появились книги и статьи, где этапы советской истории рассматривались глазами их современников. В ежегоднике «Одиссей: Человек в истории»⁴ была дана теоретическая основа данного подхода и опубликованы первые воспоминания, относящиеся к изучаемому нами

¹ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI – XIX веков. М., 1928.

² Гуревич А. Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопросы истории. 1964. №10. С. 51 – 68; Его же. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2 – 3. С. 21 – 36; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. – 235 с.; История и психология. Под ред. Поршнева Б. Ф. и Анцыферовой Л. И. М., 1971; Тутунджян О. М. Прогрессивные тенденции в исторической психологии Иньяса Мейерсона // Вопросы психологии. 1963. №3. С. 118 – 124; Анцыферова Л. И. Жан-Пьер Вернан об исторической психологии // Вопросы психологии. 1967. № 4. С. 188 – 190.

³ Козлов В. А. Начинается с человека: Человеческий фактор в социальном строительстве: итоги и уроки 30-х годов / Козлов, В. А., Хлевнюк О. В. М., 1988; Исторический опыт и перестройка: Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1989.

⁴ «Одиссей: Человек в истории» под ред. Гуревича А.Я. М., 1989.

периоду¹. Исследователи обратили внимание на особенности сознания обыкновенного человека, способы взаимодействия простых граждан с действительностью. Правда публикации периода «перестройки» и распада СССР, несмотря на содержащиеся в них уникальные новые сведения, носили скорее тенденциозно-иллюстративный, чем аналитический характер. Значительную их часть составляли мемуары политзаключенных, политических деятелей².

Документы личного происхождения как необходимые источники в изучении российской социальной истории оказались в поле зрения специалистов еще в конце XIX века³, а в 1911 г. появился их обзор-указатель⁴.

В 1920-е гг. вышли первые научные исследования, в основе которых мемуары.⁵ В 1950 – 1960-е гг. они исследовались как особый источник, имеющие свои преимущества и недостатки.⁶ Доминирование источниковедческого подхода к изучению мемуаров⁷ сменилось работами,

¹ Советское общество в воспоминаниях и дневниках: в 5 т. Т. 2: Государственная власть и управление. Государственный аппарат. Международные отношения, 1921 – 1941. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941 – 1945. Первый период Великой Отечественной войны, июнь 1941 – ноябрь 1942. М., 1990; Аграновский В. А. «Последний долг: В воспоминаниях, свидетельствах, письмах с комментариями, документах, фотографиях, 1937 – 1953. М., 1994; Дьяконов В. Б. Я, лагерная пыль, свидетельствую. Астрахань, 1996.

² Воля: Журнал узников тоталитарных систем. № 1–7 / Гл. ред. Виленский С.С.; М., 1993 – 1997 г.

³ Чечулина Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891.

⁴ Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, писем и воспоминаний, относящихся к истории России. Новгород, 1911. В 5 ч.

⁵ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: очерки по социальной и экономической истории XVI-XIX веков. М., 1928; Монографическое изучение фабрик и заводов. М., 1929.

⁶ Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник» М., 1959; Его же. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. М., 1965. Кардин Э. В. Сегодня о вчерашнем: Мемуары и современность. М., 1961.

⁷ Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; Бушканец Е. Г. Мемуарные источники: Учебн. пособие к спецкурсу. Казань, 1975; Деревнина Л. И. «О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (постановка темы и проблематики)» // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 32 – 38.

посвященными изучению социальной психологии, как отдельных людей так социальных групп¹.

Важное место в изучении источников личного происхождения заняла статья С. С. Минц², где мемуары рассматриваются не только как источник по истории быта, но и как материал, отражающий социальную психологию группы.

В середине 1980-х гг. данная тема стала центральной в исследованиях В. Г. Чернухи³, Т. Г. Кучиной⁴, А. И. Аксёнова⁵ и т. д. Впервые изучаемая группа источников была объединена одним понятием – «источники личного происхождения».

К середине 1990-х гг. возросло число работ, посвященных советской повседневности. Особенности внутренней политики, ее влияние на деятельность и настроения людей нашли отражение в работах Е. А. Осокиной, Н. Б. Лебиной, С. В. Журавлёва, А. К. Соколова и др.⁶. Вышли в свет труды,

¹ Мокряк И. Е. К вопросу о социальной психологии столичного дворянства первой половины 50-х годов XIX в. (по мемуарным источникам) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977.

² Минц С. С. Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 31 – 40.

³ Чернуха В. Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX века // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. С. 195 – 216.

⁴ Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 40 – 48.

⁵ Аксёнов А. И. Происхождение, судьбы и семейные связи московских купцов – именитых граждан // Источниковедение отечественной истории. М., 1986. С. 211 – 237.

⁶ 30-е годы. Взгляд из сегодня. (Отв. ред. Д. А. Волкогонов). М., 1990; Хлевнюк О. В. 1937 – й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935. М., 1993; Кризис снабжения 1939 – 1941 гг. в письмах советских людей / Публ., предисл. Осокиной Е. А. // Вопросы истории. 1996 № 1. С. 3 – 23; Она же: За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927 – 1941 / Е. Осокина. М., 1998; Вербицкая О. М. Крестьянская семья в 20 – 50-е годы // Население России в 1920 – 1950-е годы: Численность, потери, миграции: Сб. научн. трудов. М., 1994; Российская повседневность 1921 – 1941 гг.: новые подходы. Сост. Муравьев А. И., Старко Б. А. СПб., 1995; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. Под ред. Волобуева П. В. М., 1997; Журавлев С. В., Соколов Л. К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы // Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 287 – 334; Козлов В. А. Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. № 4. С. 100 – 112; Кузнецов И. А. Фонд писем «Крестьянской

полностью опирающиеся на источники личного происхождения¹. Множились исследования изменений психологии, самосознания и настроений советского обывателя², но, несмотря на использование мемуарных документов, в них из-за широты хронологических рамок при исследовании и недостаточности воспоминаний, писем и дневников источников есть ошибочные суждения.

Изучение настроений и их формирующих факторов стало в начале 2000-х гг. ключевой темой многих диссертационных исследований и научных статей³. Отдельные работы – С. Г. Березина⁴, Е. С. Сенявской⁵, А. В. Голубева⁶ и т.д. – изучали отношения общества к международной политике конца 1930-х гг. Множились исследования, конференции, посвященные истории

газеты»: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2. С. 70 – 84; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920 – 1930-е годы. СПб., 1999; Соколов А. К. Советское общество накануне войны // Власть и общество России XX в. М. Тамбов, 1999. С. 136 – 154; Лившин А. Я. Орлов И. Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917 – 1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 94 – 104; Орлов И. Б. Лившин А. Я. Социологический анализ «писем во власть» (1917 – 1927-е годы) // Социс. 1999. № 2. С. 79 – 87; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 30-х гг. М., 2000.

¹ Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. / Отв. ред. Соколов А. К. М., 1997; Его же. 1930-е годы: общество и власть. Повествование в документах. / Отв. ред. Соколов А. К. М., 1998.

² Шинкарчук С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы: (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995; Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.

³ Токарев С. В. Политические настроения населения советской провинции во второй половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004; Маркелов С. Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП (б), 1939 – 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Советская пропаганда и массовое сознание во время советско-финской войны (ноябрь 1939 – март 1940 г.) // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2004. С. 53 – 72.

⁴ Березин С. Г. Советско-финляндская война и общественное мнение // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции Вологда, 2000. Ч.3. С. 14 – 21.

⁵ Сенявская Е. С. Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне: формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества в 1939 – 1940 и 1941 – 1944 гг. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 283 – 311.

⁶ Голубев А. В. Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104 – 120. Его же. «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // Отечественная история. 2008. № 5. С. 108 – 127.

взаимоотношений власти с обществом в целом и с его отдельными группами¹ с привлечением разнообразных источников, в том числе и мемуаров². В 2005-2018 гг. в Тамбове были опубликованы сборники документов³ и воспоминания отдельных авторов с оценками событий 1930-х гг.⁴

Изучение настроений различных социальных групп в период коллективизации в Центральном Черноземье получило освещение в работах И. В. Гончаровой⁵, С. А. Есикова⁶, П. В. Загоровского⁷, Т. А. Кротовой⁸, С. А. Нефедова⁹, В. И. Ноздрюхина¹⁰, А. А. Слезина¹¹.

¹ Павлова И. В. Власть и общество в 30-е годы // Вопросы истории. 2001. №10. С. 49 – 56; Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М., 2003; Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений. Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Смоленск, 24 – 25 ноября 2006; Веджиев У. А. Государство, власть, общество – проблемы взаимоотношений // Вестник Иркутского государственного технического университета. №2, 2007. С. 141 – 143; Лютов Л. Н. Настроение рабочих провинции в годы НЭПа // Отечественная история. 2007. №4. С. 65 – 73; Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930 – 1940-е годы. М., 2008; Крестьянство и власти в истории России XX века. Т.2. М., 2011; Нерар Ф. К. Накормить строителей социализма: общественное питание в СССР эпохи первых пятилеток (1928 – 1935 гг.) // Российская история. 2016. №1. С. 84 – 97.

² Женская повседневность в России в 18 – 20 вв.» Тамбов, 2003. С. 143 – 147.

³ Письма Великой Отечественной войны. Сб. документов. Тамбов, 2005. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сб. документов. Т.1 – 2. Тамбов, 2007 – 2008; Детское движение в Тамбовском крае (1914 – 1945 гг.). Сб. документов. Тамбов, 2017.

⁴ «Тамбовская высшая школа: ее структуры и люди в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945». Тамбов, 2010; Тамбовская область. Хроника событий. 1937 – 2012 гг. Тамбов, 2012; «Тихий Дон» из Большой Ржаксы // Литературный Тамбов, 2013 №4 (12); Шепелев М. И. С Тамбовом не расстался я... Мемуары. Ч. I. Тамбов, 2018.

⁵ Гончарова И. В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928 – 1932 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.

⁶ Есиков С. А. Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Черноземье: трагедия российской деревни. Тамбов, 2011.

⁷ Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области, 1928 – 1934. Воронеж, 1995; Его же. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного района России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1999.

⁸ Кротова Т. А. Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Тамбов, 2007.

⁹ Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013.

¹⁰ Ноздрюхин В. И. «Великий прелом» в судьбах тамбовского крестьянства // Тамбовское крестьянство от капитализма к социализму (вторая половина XIX – нач. XX в.). Тамбов, 1996

¹¹ Слезин А. А. Комсомол Центрально-Черноземной области на начальном этапе сплошной

Ныне мемуары являются основой для многочисленных работ и научных конференций, исследующих положение отдельных социальных групп и их отношение к проводимым Советской властью мероприятиям¹ с применением междисциплинарных приемов², включая психологический и социологический подходы, а также инструментарий «устной» истории (oral history)³.

Социальная история советской России 1930-х гг. исследовалась с 1950-х гг. и зарубежными учеными⁴. Наиболее научно значимыми являются работы

коллективизации // Клио. 2000. № 2. С. 202 – 213; Его же. Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта // История в подробностях. 2011. № 10. С. 66 – 74; Его же. Комсомол в коллективизация (на материалах ЦЧО) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 1998. С. 180 – 190; Его же. Молодежь и власть. Тамбов, 2002.

¹ Кабанов В. В. Между правдой и ложью : отечеств. мемуары XX в. М., 2004; Лидерман Ю. Г. Недавнее прошлое в письмах дневниках и фотографиях // Отечественные записки. 2006. №1. С. 326 – 328; Суровцева Е. В. Жанр "письма вождю" в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.) М., 2008; Козодаев С. А. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны в воспоминаниях жителей Тамбовской области: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Доброноженко Г. Ф. «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: На материалах Северного края: дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2010; Бабашкин В. В. Закономерности и особенности Российской модернизации в 1902 – 1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: дисс. ... д.и.н. Тамбов, 2010.; Назаров А. И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: На материалах Тамбовской области: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010; Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 5. – Новосибирск, 2014; Сталинизм и крестьянство. Т.4. Москва, 2014.

² Елисеев А. Л. Политика Советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20 – 30-е год XX века. Орел, 2015; Мистрюгов П. А. Советская власть и Самарская епархия Русской православной церкви в 1918 – 1922 гг. // Вестник Самарского государственного университета, 2013. №8 (109); Фогель А. С. Взаимоотношение советской власти и Русской Православной церкви в Самарской губернии в 1917 – 1939 гг. // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2013. №10 (108). С. 156 – 161; Марченя П. П. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции / П. П. Марченя // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 303 – 315.

³ Маклин П. Бэрг. Устная история в США // Новая и новейшая история. 1976. № 6. С. 213; Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998; С. 234 – 235. Томпсон Э. П. Устная история. Пер. с англ. М., 2003.

⁴ См.: Медведев А. Гарвардский проект: полвека спустя. // Приложение «Российской газеты» «СОЮЗ. Беларусь-Россия». 2003, 4 сентября, № 35 (135). С.3; Леонгард В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР, Зап. Европы и США / Пер. с нем. И. Бурихина. London, 1989; Шаттенберг, Сюзанна. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011. Donald Filtzer. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928 – 1941. London, 1986; David L. Hoffmann. Peasant Metropolis: Migration to Moscow and the Politics of Social Identity, 1929 – 1941. Ithaca, NY, 1994; Stalinist Values. The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917 – 1941. Ithaca, 2003; Jörg Baberowski, Anselm Doering-Manteuffel.

американских историков Сары Дэвис,¹ Роберта Терстона,² Стефана Коткина,³ Шейлы Фицпатрик⁴.

Цель исследовательской работы – используя источники различного происхождения, установить причины и факторы, формировавшие оценки советской власти (верховой и местной) и охарактеризовать на примере Тамбовского региона взаимоотношения общества и власти в период с конца 1920-х гг. до 1940 г.

Для достижения цели были поставлены **задачи**:

1. Выявить особенности источников государственного и личного происхождения, их информативность и достоверность;
2. Применить наиболее эффективные способы в обработке и систематизации писем, дневников и воспоминаний;
3. Определить отношение мемуаристов к советской власти в период 1930-х гг., а также его причины и структуру;
4. Сделать сравнительный анализ данных, полученных из воспоминаний, писем и дневников с информацией, взятых от официальных властей.

Объектом исследования являлись воспоминания, дневники и письма современников событий 1930-х гг., архивные материалы и документы, исходившие от власти.

Предметом исследования стали отношения власти и различных социальных групп общества в 1930-е годы.

Ordnung durch Terror. Gewaltexzess und Vernichtung national sozialistischen und stalinistischen Imperium. Bonn, 2006; Figs, Orlando. The whisperers: private life in Stalin's Russia / Orlando Figs. New York, 2007.

¹ Sarah Davies. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent 1934 – 1941. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1997.

² Robert W. Thurston. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934 – 1941. New Haven, 1996.

³ Stephen Kotkin. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. М., 2001; Она же: Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. яз. Л. Ю. Панфиной. М., 2001.

Под термином «власть» мы предполагали советских лидеров, региональных и местных партийных работников, государственные учреждения и их сотрудников, систему идеологии и законы, изданные в 1930-е годы.

Под понятием «общество» мы понимали все население Тамбовского региона.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1920-х гг. и до начала 1940-х гг., когда произошли крупные преобразования, затронувшие все слои населения и ставшие причинами массовой социальной мобильности, репрессий и изменения социальной структуры общества.

Географические рамки исследования охватывают Тамбовский регион в примерных областных границах 1939 г. В связи с тем, что он является типичным аграрным районом страны, то это позволяет экстраполировать полученные выводы в определенной степени на всю Европейскую часть России.

Научная новизна диссертации заключается в том, что используемые источники различного происхождения дают возможность посмотреть на эпоху глазами как власти, так и обыкновенных людей, вскрыть сложные взаимоотношения подсистем государства и общества. Также научно новой является методика обработки информации источников личного происхождения.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что исследование взаимоотношений власти и общества в 1930-е гг. построено на использовании источников личного происхождения, что в отечественной исторической науке ранее практически не применялось.

Методология. Исследование построено на принципах историзма, системности и объективности, что предполагает рассмотрение события или процесса во времени с учетом особенности эпохи. В диссертационной работе использовались следующие общенаучные методы:

1. сравнение;
2. контент-анализ;

3. индукция (Информация источников личного происхождения проверялась, формализовалась и заносилась в электронную базу данных на платформе Excel по параметрам: фамилия, имя, отчество, год, регион, район и населенный пункт рождения, место проживания, социальное происхождение и положение, национальность, уровень образования, партийность, служба в РККА, религиозность, репрессии и их характер, отношение к местной и верховной власти и отдельно к Сталину. Возрастные группы источников информации сформированы по 7-летиям их рождения);

4. математический, включающий построение графиков и диаграмм;

5. системный (взаимозависимость социальных групп и их влияние на происходящие процессы);

6. описание (характеристика событий, процессов).

Источники, использованные в исследовании, можно разделить на две группы: документы личного (дневники, письма, воспоминания) и государственного (архивные и опубликованные документы власти, материалы периодической печати) происхождения.

Главными источниками стали воспоминания, письма и дневники. Отличительными чертами данной группы документов является информативность, высокая достоверность, непосредственность, сниженная идеологизированность и субъективность, что дает возможность понять мотивы действий человека и погрузиться в атмосферу эпохи. Массовое привлечение документов позволяет выявить закономерности развития на уровне района, области.

В данном исследовании было привлечено 208 воспоминаний (из них 184 являлись уроженцами Тамбовской области), 255 писем, 3 дневника. География проживания мемуаристов на время записи их воспоминаний весьма широка (от Эстонии до Красноярска, от Ленинграда до Новороссийска). Документы были собраны в различное время (в основном в 1992 – 2012 гг.) студентами старших курсов исторического факультета и преподавателями. Значительная их часть хранится в ГАСПИТО и ГАТО.

При характеристике власти мы использовали опубликованные государственные документы. Недостатком данного источника является его идеологизированность и преобладание в нем лишь статистической информации без какого-либо анализа.

В диссертационном исследовании использовались данные Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО): фонды окружных комиссий ВКП (б) (Ф. П – 835: Козловский; Ф. П – 881: Тамбовский), районных комитетов (Ф. П – 632: Алгасовский; Ф. П – 577: Бондарский; Ф. П – 85: Гавриловский; Ф. П – 965: Инжавинский; Ф. П – 68: Глазковский; Ф. П – 481: Дегтянский; Ф. П – 401: Жердевский и др.). Эти источники позволили нам изучить следующие виды делопроизводственной документации: организационно-распорядительная, учетная, контрольная, текущая переписки, а также всевозможные отчеты. Для определения характера настроения населения использовался фонд Тамбовской городской контрольной комиссии ВКП (б) и рабоче-крестьянской инспекции (Ф. П – 877). Особое внимание уделялось документам с грифами «секретно» и «совершенно секретно», так как они предназначались для узкого круга лиц, поэтому содержали достоверную информацию. Так, обширный материал содержат сводки и переписки ОГПУ, где отмечались все происходящие события в жизни конкретной местности, региона, а также настроения в обществе. С целью определения количественных и качественных характеристик власти мы использовали документы следующих фондов: Ф. П – 1045: Тамбовский обком КПСС; Ф. П – 1078: Книга учета коммунистов партийной организации. Значительная часть использованных документов впервые вводится в научный оборот.

В исследовательской работе использовали данные и из Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Были изучены фонды: Ф. Р – 2 Тамбовский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполкомы); Ф. Р – 4: Козловский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских

и красноармейских депутатов (окрисполкомы); Ф. Р – 39: Мордовский райисполком; Ф. Р – 396: Административный отдел исполнительного комитета Тамбовского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрадмотдел); Ф. Р – 717: Тамбовская окружная РКИ; Ф. Р – 719: Козловская окружная РКИ; Ф. Р – 1405: Тамбовский окружной отдел народного образования; Ф. Р – 3012: Суренский районный исполнительный комитет. Изученный материал позволил выяснить ситуацию на местах в период социально-экономических преобразований конца 1920 – начала 1930 гг., а также действия властей по наведению порядка.

Значимую роль в исследовании играло обращение к документам Российского государственного архива экономики (РГАЭ), которые помогли нам определить общее и отличное в реализации мероприятий и их итогах. В процессе работы мы обращались к фонду Министерства сельского хозяйства СССР (Минсельхоз СССР) (Ф. 7486), который позволил раскрыть особенности колхозного строительства в Центрально-Черноземной области.

В качестве источника использовались материалы периодической печати – газет «Правда» и «Тамбовская Правда».

Исследовалась и художественная литература, содержащая сюжеты социально-экономического и политического характера данной эпохи.

Таким образом, для решения поставленных задач нами использован репрезентативный комплекс источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тамбовская область является регионом, в котором советская власть попыталась реализовать все свои планы. Таким образом, от успешности или неудачи в проведении на ее территории намеченных мероприятий можно судить об эффективности проделанной работы в целом по стране;

2. Социальная структура региона в рассматриваемый период была представлена практически всеми крупными социальными группами, что позволяет проследить влияние действия власти на изменение их положения в обществе;

3. Завершение формирования структуры местной власти в начале 1930-х гг. совпало с проведением коллективизации. Сложность мероприятия и местами неорганизованность аппарата управления привели к серьезным трудностям в начале строительства колхозов, что повлекло рост социальной напряженности. Население расценило это как неспособность государства добиться поставленной цели, а резкое ухудшение социально-экономического положения убеждало людей в неправильности выбранного пути развития;

4. Системные преобразования 1930-х гг. сформировали в разнородном обществе различное к ним отношение. Выделены три оценки: положительная, равнодушная и негативная. Внутри каждой социальной группы мнения были полярными. В оценке государственных действий люди четко разделяли центральную и местную власть. Они чаще всего поддерживали руководство страны и в редких случаях критиковали его. Низшее звено управления практически всегда подвергалось критике, так как низкое качество его кадров ухудшало исполнение решений центра;

5. На оценку действий власти внутри каждой социальной группы влияла подвижная совокупность факторов возраста, места рождения и воспитания, социального происхождения и положения, качества образования, степени индоктринации и качества личного опыта общения с государством и его людьми;

6. Коммунистическая идеология существенно влияла на сознание и мировоззрение человека того времени. Насильственную социальную перестройку с имманентными ей массовыми репрессиями общество не воспринимало как воплощение доктрины, а рассматривало как ошибки и действия врагов. Масштабы социальных потерь люди осознали спустя годы, что доказывают оценки в воспоминаниях с их практическим отсутствием в письмах и дневниках.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его методика и полученные результаты могут быть применены в работах по изучению психологии, политических настроений, повседневности и эффективности

государственного аппарата в 1930-е гг. Материалы диссертации могут быть использованы при написании учебных пособий по истории для высших и средних специальных учебных заведений.

Апробация диссертации проведена на международных («Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953-2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства» (Краснодар, 2013 г.), «Социальная история Второй мировой войны» (Тамбов, 2016 г.)) всероссийской («Шаг в историческую науку» (Екатеринбург, 2014 г.)), а также ежегодной научно-практической конференции в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина «XIX Державинские чтения». Основные идеи и положения исследовательской работы отражены в 9 научных статьях соискателя, 4 из которых изданы в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленным задачам, состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, определены объект и предмет исследования, хронологические и географические рамки, анализируется степень изученности темы, формулируется цель и задачи работы, дана характеристика использованных источников и методологии исследования, определена научная, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Структура и характер действий советской власти» анализируются особенности формирования и изменения советской системы управления в условиях масштабных преобразований конца 1920-х-начала 1930-х гг., а также факторы, влиявшие на численность и социальный состав региональной и местной власти.

В параграфе 1.1. «Принципы функционирования советской системы власти» рассматриваются отличительные черты советской власти, ее слабые и сильные стороны. Советское государство к началу 1930-х гг. являлось централизованным с разветвленной системой управления на местах. Все существовавшие ранее политические партии были ликвидированы. Систему власти отличала свобода в выборе средств для достижения цели.

Для повышения эффективности региональной власти руководство страны увеличило количество районов (в ЦЧО их стало 178). Государство, стремясь максимально полно знать о происходящих событиях на местах, инициировало создание эффективной системы информирования. Подробные отчеты высшая власть получала от низовых партийных организаций, а также от ОГПУ. Последнее информировало государство об изменениях в общественном настроении.

Советским руководством было создан Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции. В его обязанности входила проверка деятельности низовых партийных и советских структур, а также участие в процессе обсуждения проводимых мероприятий и принимаемых решений местной власти.

Компартия являлась единственной политической силой в стране. Любое учреждение должно было согласовывать с ней свои действия. ВКП (б) была достаточно монолитна и организована. Все значительные решения принимались узкой группой ЦК, а остальная часть партийных работников их только выполняла. Несогласие с общим взглядом часто означало исключение из партии. Широко распространилась практика принятия совместных решений партийными и государственными органами по ключевым вопросам жизни. В итоге неподконтрольных ВКП (б) областей жизни практически не осталось.

Отличительной чертой советской системы стала плановость. Бюрократический аппарат реализации планов с каждым годом становился все многочисленней и неповоротливей. Государство подбирало для себя лояльных работников, но не выявляло лучших. Возрастало влияние политической

полицейской, которая нередко применяла силу ради достижения поставленных целей. ОГПУ широко практиковало внесудебные решения, ставя под сомнение эффективность советской судебной системы. Важную роль играла и идеология, в основе которой лежал идеал социальной справедливости. Сложившаяся советская система власти оказалась эффективной для реализации ряда крупных преобразований.

В параграфе 1.2. «Количественный и качественный состав органов власти» охарактеризованы представители аппарата управления. На протяжении 1930-х гг. он существенно изменился. Нелояльные и потенциально ненадежные работники подверглись репрессиям от исключения из партии до лишения свободы или жизни. Прежние заслуги, трудовое происхождение не смягчали приговор. Поощрялось доноительство и отказ от родственных чувств, если того требовала государственная идея. Партия и властные структуры также избавлялись от людей безыдейных, пассивных, аморальных, корыстных. Некоторые партработники, не получив выгод от своего статуса, покидали ряды ВКП (б) самостоятельно. Между тем, как показали чистки, незначительная часть недостойных все же оставалась в партии. Несмотря на антирелигиозные усилия государства, некоторые коммунисты верили в бога.

Советская система с ВКП (б) в качестве ее «несущей конструкции» обеспечивала всевластие руководителей территориальных органов управления по отношению к низшим звеньям аппарата. В то же время они оставались лишь исполнителя воли центра.

В социальном происхождении людей власти возросла доля крестьянства при одновременном снижении доли рабочих. Служащие были представлены незначительно (в 1933 г. 7,9%, а в 1939 г. 6,4%¹). Средний возраст партийного работника за десятилетие вырос с 28 лет в 1929 г. до 35,5 лет² в 1939 г. Доля молодежи постепенно уменьшалась и к 1937 г. составила всего 27,1%, так как государство стало меньше доверять молодым из-за непредсказуемости и

¹ ГАСПИТО. Ф. П – 632. Оп. 1. Д. 222. Л. 26-73.

² Там же.

максимализма. Мужчины в партии были нараставшим большинством. Доля женщин среди коммунистов в середине 1930-х гг. составляла 31%¹, а к концу десятилетия 13,7 %. Партийные работники имели в основном начальное образование (47,4%), а остальная часть – среднее и средне-специальное (36,8%), а также высшее (15,8%)².

Органы ОГПУ/НКВД состояли в основном из мужчин 30 – 35 лет, представленных равными долями крестьян, рабочих и служащих. Милиционеры чаще по происхождению были из местной среды, с невысокой степенью образования. Их комплектование проходило в основном из демобилизованных красноармейцев.

Число людей власти росло, периодически снижаясь во время чисток и репрессий. За десятилетие личный состав власти обновился практически полностью, но это не помешало государству реализовывать задуманное.

Во второй главе «Реализация политики партии местной властью в 1930-е годы» рассматриваются действия региональной администрации по проведению социально-экономических преобразований и разрешению возникавших проблем.

В параграфе 2.1. «Действие местных властей по проведению коллективизации» дается характеристика преобразования деревни и сельского хозяйства. В конце 1920-х гг. в регионе приступили к коллективизации. Однако отсутствие достаточного количества исполнителей могло перечеркнуть все надежды на успех. Коммунистов не хватало на многих ответственных должностях. Во многих деревнях они вообще отсутствовали.

Местная власть активно приступила к решению поставленной задачи, рассчитывая на поддержку сельской бедноты и части середняков. Предполагалось, что существующее имущественное расслоение в деревне приведет к конфронтации социальных слоев между собой. Для достижения

¹ Там же. Д. 125. Л. 2-6.

² Там же. Ф. П – 1045. О. 1. Д. 88. Л. 2-35.

этого государство пыталось утвердить в сознании большинства крестьянства отрицательный образ кулака.

Решительные действия местных властей не принесли успеха. К ноябрю 1929 г. в колхозы Борисоглебского округа собрали лишь 13,1% сельского населения, Тамбовского – 9,9%, Козловского – 12,7%¹. К осенней кампании 1930 г. показатели для Тамбовского и Борисоглебского округов должны были составлять – не менее 75%².

С началом сплошной коллективизации было объявлено о переходе к политике ликвидации кулачества. Широко применялись репрессии. Конфискация имущества проводилась в такой поспешности, что отбирали все необходимое для жизни. Суды отказывали раскулаченным крестьянам в защите. Особую роль в создании колхозов сыграли СМИ, которые пропагандировали достижения народного хозяйства, а также комсомольцы, проводившие разъяснительную работу в своих семьях.

На 10 января 1930 г. только 13,8 % крестьян в Козловском, 30,8% в Борисоглебском и 35,6% в Тамбовском округах вступили в колхозы³. Для ускорения процесса правительство направило рабочих в деревню. 25-тысячникам за короткий промежуток времени удалось объединить в колхозы более 70% единоличных хозяйств. Резкое изменение социального состава местной власти привело к возникновению конфликтов между «вчерашними» рабочими и чиновниками из крестьян. Во всех возникавших проблемах обвинялись представители города. Отрицательно сказывался и невысокий моральный облик многих рабочих.

Повышение налогов привело к снижению уровня жизни крестьян и росту их недовольства. В феврале 1930 г. массовые выступления прошли в селах Сосновского района, а также Березовского районов Козловского округа.

¹ РГАЭ. Ф. 7486. О. 37. Д. 40. Л. 187-197. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т.2 ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 47

² Там же.

³ РГАЭ. Ф. 7486. О. 37. Д. 49. Л. 103-118. Ротаторный экз. с подлинника // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Т.2 ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 226.

Специальная комиссия из столицы в качестве причин конфликта выявила случаи перегибов в 544 населенных пунктах ЦЧО¹.

Масштаб выступлений был значительным. С декабря 1929 г. по 14 февраля 1930 г. в ЦЧО было зарегистрировано 38 массовых выступлений, в которых участвовало 25 170 человек². ОГПУ связывало это с агитационной деятельностью кулаков, а региональное руководство – со слабостью низового аппарата. Не отрицались факты «отдельных перегибов». Большинство выступлений сопровождалось физическим насилием. В социальном составе протеста преобладали зажиточные крестьяне и середняки.

Местная власть не проявляла никакой активности по устранению возникших трудностей. Государство фактически пошло на приостановку аграрной политики. 2 марта 1930 г. крестьянам разрешили выход из колхоза, чем и воспользовались почти 80% колхозников. Главными причинами неудачи государство считало «перегибы», а также неготовность многих районов переходить к новой форме хозяйствования. Создаваемые колхозы были слабо организованы и лишены трудоспособных колхозников. В итоге преобразования начала 1930-х гг. осложнили обстановку в регионе.

В параграфе 2.2. «Голод 1932 – 1933 гг. и действия властей» рассматривается комплекс мероприятий региональной и центральной администраций, направленных на борьбу с голодом.

К середине лета 1930 г. в тамбовских колхозах оставалось только 15% крестьян, но гибкая политика местных властей привела к возвращению многих крестьян в колхозы. В итоге к 20 ноября 1931 г. в ЦЧО было объединено в колхозы 70%³ крестьян. Обстановку стабилизировал и собранный хороший урожай. Погодные условия в 1931 г. были неблагоприятными, но государство

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 678. Л. 209-218. Подлинник.// Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т3. Ч.1. Документы и материалы. М., 2005. С. 348.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1929. Документы и материалы. В 5-ти т. М., 2000. С. 230.

³ Шаров П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. М., 1963. С. 272.

отказалось снижать плановые показатели, что разрушило надежды крестьян на улучшение жизни в колхозах.

Весной 1932 г. на территории области многие крестьяне отказывались от посевов. Одновременно с этим усилилось бегство из деревни в город. Поля засеяли недостаточно. Несмотря на все усилия местных властей, план посева был выполнен лишь на 78,5%. Многие районы оказались не в состоянии выполнить поставленную цель. При проведении хлебозаготовки усилился нажим на единоличников, но и они не выполнили план.

Урожай 1932 г. был достаточным, чтобы не допустить массового голода, но собрать его без серьезных потерь не удалось. Крестьяне рассчитывали избежать голода с помощью похищения хлеба прямо с полей. На юге региона уже к осени 1932 г. сложилось бедственное положение. Попытки местных властей выйти из ситуации за счет сокрытия реальной урожайности строго пресекались администрацией ЦЧО. Государство не признавало ошибочным план хлебозаготовки на 1932 г. и причиной видело несостоятельность части руководства на местах. Нехватка продовольствия к концу осени 1932 г. ощущалась в центральных районах. Региональные власти пытались исправить ситуацию отстранением от должности не справившихся руководителей.

Крестьяне поначалу ждали помощи от властей. В 1932 г. стремительно росло число жалоб и достигло за июль 1687¹ (в 1930 г. в среднем в месяц их было 323). Не дождавшись помощи от государства, население решило действовать самостоятельно. С осени 1932 г. распространилась спекуляция. Основная доля продаваемых товаров приходилась на продукты. Возросло число преступлений в отношении советских работников.

Руководство страны выход из ситуации видело в повышении роли партии в деревне путем создания политотделов. Новое учреждение обладало не только политическими, но и хозяйственными функциями. Постоянное вмешательство политотделов в деятельность региональных властей стало причиной недовольств. Политотделы получили право производить проверку деятельности

¹ ГАСПИТО. Ф. П – 877. Оп. 1. Д. 51. Л. 69.

колхозных ячеек. Зимой-весной 1933 г. началась чистка сельскохозяйственных коллективов, которая переросла в массовые увольнения работников. Несмотря на это, численность парторганизации ЦЧО с 1928 по 1933 г. увеличилась с 41 876 чел. до 125 182. Всего было принято 112324 человек, а лишились партийного билета 29018 человек¹.

Политотделы смогли наладить работу колхозов, оперативно перебрасывая имеющиеся у них резервы в проблемные хозяйства. В итоге урожай 1933 г. оказался выше прошлогоднего. Понимая, что многие хозяйства находятся в тяжелом положении, государство разрешило колхозам оставить больше хлеба, а также распределять его по трудодням сразу по окончании хлебосдачи. Осенью 1933 г. голод прекратился. От его последствий в регионе умерло не менее 50 тысяч человек. Точных данных нет, так как в официальных документах он не фиксировался.

В параграфе 2.3. «Репрессии в Тамбовском регионе» исследуются причины, характер политического притеснения и социальных состав пострадавших.

К середине 1930 гг. ситуация в регионе нормализовалась. Количество преступлений уменьшилось почти в 2 раза. Проводимые преобразования государством не встречали серьезных сопротивлений на местах. В то же время государство стремилось сохранить свою эффективность, завершить формирование нового общества и провести массовую мобилизацию для осуществления преобразований. В итоге была продолжена чистка партии. Постепенно на местах усилились репрессии, к которым советская власть прибегала еще в 1920-е гг. Они затронули в основном людей, рожденных в середине 1880-х гг., которые являлись представителями дореволюционных социальных «верхов», а также людей рожденных в середине 1890-х гг.,

¹ Доклад на 4-и пленуме обкома ВКП (б) ЦЧО 1 января 1933. [Электронный ресурс]. URL: <http://otambove.ru/antiqua/?p=11740#respond> Тамбовские древности. Тамбовские (Дата обращения: 25.07.2015)

находившиеся наверху социально-политической лестницы в 1930-е годы. Для поколения начала XX века они были конкурентами в построении карьеры.

Средний возраст политических репрессированных до 1934 г. составлял 46,03 года, а на отрезки 1934 – 1940 гг. 45,91 года. Для данной группы характерно стремление к независимости и отсутствие желания уступать свое место советской молодежи, которая в своей основе была более активной и лояльной.

До 1934 г. приговоры репрессированным чаще всего означали лишение свободы до 5 лет или высылку. В 1935 – 1940 гг. доля расстрелов взлетела до 38,9% (до 1934 г. – 3,5%). В подавляющем числе арестованными были мужчины (до 1934 г. – 93,5%, а в 1935 – 1940 гг. – 94,6%). Репрессии мало затронули женщин – они не были политически активными, были не способны к тяжелому физическому труду в лагерях – тем не менее, репрессия мужа или отца часто означала разрушение семьи.

До 1934 г. почти все (99,1%) карательные решения принимались вне суда, что вело к массовым перегибам. В 1935 – 1940 гг. доля судебных решений возрасла до 14,7%. Распространилась практика вмешательства властей в деятельность суда, а также тактика - «сначала арестовать, а потом разобраться». Советское руководство стремилось к законности, поэтому к концу 1930-х гг. количество судебных решений увеличилось. Однако ошибок со стороны советских учреждений было немало. В 1937 – 1938 гг. приняла широкий размах практика «травли» неугодных людей через газеты и различные собрания.

В национальном составе репрессированных в Тамбовской области абсолютное большинство занимали русские. Среди «нерусских» народов лидировали украинцы, белорусы, евреи, поляки, российские немцы, но они менялись местами в первой тройке. В то же время доли нерусских превышали их доли в населении региона. Большинство тамбовских репрессированных родилось в нынешних границах области. Горожан пострадало значительно больше их доли в населении области, что объясняется их «политической» активностью и уязвимостью. Политические репрессии затронули около 28 тыс.

тамбовцев. Террор позволил партии добиться внутреннего единства, устранить несогласных людей. Проведение репрессий и их масштабы в регионе определялись решениями центральных властей, но свобода в выборе репрессируемых у руководителей региона и различных советских учреждений существовала.

В параграфе 2.4. «Итоги социально-экономического развития Тамбовского региона в 1930-е годы» рассматриваются произошедшие изменения в жизни обывателя.

Сплошная коллективизация существенно повлияла на положение дел в регионе. Насильственное разрушение крестьянских хозяйств и изменение налоговой политики привели к социально-экономическому кризису уже в 1930 г. Государство рекомендовало освободить бедняцкие хозяйства от налога. Руководители хозяйств сопротивлялись этому решению, так как оно снижало итоговые показатели. Осложняло ситуацию то, что крестьяне стали использовать жалобы как форму давления.

Сохранялись добровольные платежи и самообложение. Регулярно выпускались различные займы, ставшие добровольно-принудительными. Для выявления доходов населения было организовано Бюро выборок почтовых переводов, контролировавшее все переводы. Сохранилась практика покупки сельским населением по завышенным ценам продукции обрабатывающей промышленности. В конце 1930-х гг. государство устанавливало новые, непосильные для многих, нормы заготовок и учета трудодней.

Ухудшение положения в деревне в начале 1930-х гг. заставило часть крестьянства переселиться в город. Стихийная миграция вынудила руководство СССР ввести 27 декабря 1932 г. паспортную систему, но сельское население паспорта не получило. Однако переезд в город не всегда оправдывал ожидания. Работы и жилья всем не хватало. Следствием этого стал рост преступности. Самым распространенными правонарушениями стали кражи и спекуляция, которые чаще всего совершались безработными и беспризорниками. Особую опасность для городов обрело хулиганство. Раскрываемость преступлений была

относительно невысокой. В регионе выросла детская беспризорность и, как следствие, детская преступность. Детей помещали в детские дома, но оттуда они часто бежали из-за тяжелых условий содержания.

В 1932 – 1933 гг. появились перебои с продовольствием в городе, породив панические настроения. Вновь заработали рынки с «процветавшей» спекуляцией, с чем власть вела безуспешную борьбу.

Важную роль государство отводило образованию и идеологическому воспитанию. В регионе было развернуто массовое строительство школ, число которых к 1938 г. было доведено до 2401, а также 97 пионерских лагерей на 34 тысячи детей¹. Усиливалась борьба с религией. Активно работали СМИ, убеждавшие население в том, что вскоре жизнь изменится к лучшему.

Серьезные трудности сохранялись в здравоохранении, где не хватало медицинских работников. В сельской местности на одного врача приходилось 8 тысяч человек, а в городах 1200². В регионе периодически вспыхивали эпидемии (малярия, тиф), с которыми боролись в том числе повышением медицинской грамотности с помощью радиопередач.

Таким образом, регион за исследуемое десятилетие изменился. К концу 1930-х гг. имущественное положение жителей села ухудшилось, что предопределило внутреннюю миграцию. Трудности жизни в области привели к сокращению ее популяции почти на 30%. Увеличение финансирования системы образования позволило к концу 1930-х гг. во многом ликвидировать безграмотность. Однако не были решены в полном объеме проблемы в медицине. Нехватка медицинских учреждений, врачей и периодические эпидемии сохранялись.

В третьей главе «Власть и общество в 1930-е годы в оценках представителей различных социальных слоев» рассматриваются причины и характер отношения обыкновенных граждан к действиям властей.

¹ ГАСПИТО. Ф. П – 1045. Оп. 1. Д. 549. Л.19.

² ГАСПИТО. Ф. П – 1045. Оп. 1. Д. 551.Л. 18.

В параграфе 3.1. «Отношение мемуаристов к власти в воспоминаниях в 1930-е годы» анализируются взгляды советских людей на действия государства.

На основе анализа воспоминаний было выделено несколько позиций: отрицательная, положительная, смешанная или неоднозначная и равнодушная. Все мемуаристы были сгруппированы по 7-летиям рождения, что позволило сопоставить точки зрения людей разных поколений.

Одной из первых причин, повлиявших на оценку действий советской власти, оказался возраст человека. Негативно к ней относились лица, рожденные задолго до 1917 г. и способные соотнести качество жизни при царе и большевиках. Иное представление было у молодежи, чье взросление происходило уже при советской власти.

Насильственное разрушение дореволюционных ценностей и норм также влияло на оценку. Для верующего человека подобные действия заслуживали порицания.

Важным фактором в оценке власти было место рождения и последующее проживание человека. Горожанин положительно относился к советской системе, так как уровень его жизни был существенно выше уровня жизни колхозника. Представители сельской местности – иначе. Зажиточные крестьяне и большинство середняков – негативно, так как их положение ухудшилось. Беднота – положительно, так как государство предоставило им возможность изменить свою судьбу.

На мнение мемуаристов сильное повлиял голод 1932 – 1933 гг. У переживших его сформировалось отрицательное отношение, так как вину за произошедшее они возлагали на государство и местную власть. Голод затронул в основном село, в городах были только перебои с продовольствием и его удорожание.

Ключевым событием в оценке советской власти оказались репрессии. Ложность многих обвинительных приговоров, суровость наказаний формировали негативное отношение к советской действительности.

Абсолютное большинство жителей области о существовании политики репрессий узнало только в 1950-е гг. Во время «большого террора» все происходящие аресты воспринимали как ошибки власти или сведение личных счетов людей между собой.

На отношение к власти повлияла и бюрократическая система. Оценка ее деятельности была неоднозначной. С одной стороны, многие ее приемы вызывали непонимание, а с другой – советская власть оставалась открытой для обращений граждан, позволяя добиться справедливости.

Важным индексом отношения человека к власти было его членство в партии. Отказ от вступления в нее мог рассматриваться как демонстрация своей негативной позиции. Члены ВКП (б) или сочувствовавшие ей, положительно относились к системе в целом.

На формирование настроений оказала влияние и пропаганда. Многие респонденты, чьи родители притеснялись властью, вступали, тем не менее, в комсомол и компартию.

Оценка советской власти зависела и от уровня образования. Человеку с начальным и средним образованием присуще равнодушное или положительное отношение, поскольку такой человек не имел представления о том, как могло быть иначе все организовано. Высшее образование позволяло критически судить о событиях, делать компетентные выводы.

Практически в каждом воспоминании дается оценка деятельности Сталина. Он представлялся мудрым вождем, а его решения и действия выглядели как проявление гениальности и «отеческой» заботы.

Люди противоречиво относились к местной власти, так как мнение о ней чаще складывалось из-за действий конкретного, «видимого» работника. Двойственная позиция очевидна и у группы, одобрительно относившейся к марксистской идеологии и верившей в грядущее счастье, но осуждавшей методы реализации советского проекта. Немалая доля людей относилась ко всем мероприятиям власти равнодушно, их больше волновали обыденные проблемы, нежели политические вопросы.

Среди мемуаристов немало и тех, кто не смог сформировать свою позицию. Признавая успешность многих мероприятий, они не могли не отметить многочисленные случаи несправедливости со стороны властей.

На отношение к власти влияло множество факторов, но власть необходимо разделять на местную и верховную, и оценки этих двух этажей одной пирамиды разнятся в одном и том же источнике.

Респондент, положительно оценивавший власть, как правило, был молод, образован, проживал в городе или районном центре, а также не затронут репрессиями. Даже не являясь членом ВКП (б), он зачастую поддерживал все ее начинания.

Люди, отрицательно относившиеся к власти, в большинстве своем были рождены до 1906 г. или были совсем юными (1927 – 1933 г.р.), малообразованными, проживали в сельской местности. Данная категория подверглась репрессиям. Среди мемуаристов, негативно оценивающих советскую действительность, преобладают женщины, колхозницы. Это объясняется трудностью их жизни, суровостью условий труда.

Равнодушное отношение к власти характерно для всех возрастных категорий, проживавших вдали от районных центров и городов, а также для лиц квалифицированных специальностей (учителя и врачи), не страдавших от голода и других трудностей.

Смешанное отношение характерно для людей, рожденных в 1912 – 1919 гг., чье взросление произошло в 1920-е годы. Они выросли в идеологии социализма, но перегибы на местах заставили их усомниться в правильности выбранного руководством пути.

В параграфе 3.2. «Оценка действий власти в 1930-е годы в письмах и дневниках» анализируются взгляды советских людей на действия государства. Исследуя письма и дневники, мы использовали тот же метод, что и при работе с воспоминаниями (4 вида отношения к власти и группировка авторов по 7-летиям рождения). На отношение к власти влияли те же факторы, но роль некоторых из них в письмах и дневниках отличается.

Оценка власти зависит от времени получения и уровня образования. Человек, закончивший ВУЗ в 1930-е гг., был идеологически обработан властью. Существовавшие вокруг сложности он воспринимал спокойно. Люди с начальным или средним образованием к событиям 1930-х гг. относились скептически, а порой негативно.

Идеология, религия, место рождения и последующее проживание, репрессии, Сталин и местная власть оказали идентичное влияние на авторов писем, дневников и воспоминаний.

Оценка власти не столь зависела от социального происхождения, как от социального и материального положения. Несмотря на высший социально-политический статус рабочих, уровень их жизни не был высоким. У крестьян из-за трудностей жизни преобладало негативное отношение. Служащие демонстрировали смешанную оценку, так как их социальная защищенность поддерживала достойный уровень жизни.

Партию в письмах и дневниках критикуют мало. Постоянно контактируя с ней, человек убеждался в том, что большинство членов ВКП (б) действительно желают изменить страну к лучшему.

Оценивая взаимоотношения власти и общества на основе писем и дневников, мы, как и в случае с воспоминаниями, разграничивали отношение к местной и верховной власти.

Смешанная оценка встречается редко. В позиции таких людей уживаются противоположные оценки: восхваляют одно – критикуют другое.

Респондент, положительно оценивавший власть, был молод, образован, проживал в городе или районном центре, не подвергался репрессиям, поддерживал о ВКП (б) или состоял в ней.

Люди, отрицательно оценивавшие власть, чаще были зрелого возраста, малообразованные, проживали в сельской местности, верующие, пострадавшие от репрессий.

Равнодушное отношение к власти – у взрослого человека, проживавшего вдали от центра, малообразованного, не затронутого репрессиями.

Заключение подводит итоги исследования. 1930-е гг. являлись временем крупных социально-экономических преобразований, которые затронули все слои советского общества. Возникшие проблемы, которые необходимо было решать, оказали разное влияние на отдельные социальные группы. Горожане смогли многие экономические трудности избежать, но от них пострадали сельские жители. Коллективизация, голод 1932 – 1933 гг. стали серьезным испытанием для крестьян. Негативно относилась к власти та группа людей, которую затронули репрессии. Большинство граждан о существовании данных мероприятий узнало значительно позже. Однако, несмотря на все трудности, общество в основном поддерживало власть. Среди народных масс присутствовали энтузиазм, желание ускорить построение социализма, что еще раз убеждает в одобрении людьми намеченного государством курса развития. Большинство верило в успех, поэтому на многие возникающие трудности не всегда обращало внимание. Нарушало принцип историзма суждение, которое утверждало то, что достигнутый государством результат стал возможным только из-за страха перед советским руководством. Общество в 1930-е годы не было полностью контролируемым властью. В нем сохранялись различные взгляды: от одобрения до ненависти к руководству. Однако абсолютное большинство всячески поддерживало существующую систему. Таким образом, несмотря на всю их сложность и противоречивость отношения власти и общества носили синергетический характер, что в дальнейшем позволило преодолеть множество проблем.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

Статьи в изданиях из Перечня, утвержденного ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Жигульский, А.В. Общественно-политические настроения крестьян Тамбовского и Козловского округов в 1930 – 1933 гг. на основе сводок и переписок ОГПУ [Текст] / А.В. Жигульский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 158-166. (0,7 печ. л.).

2. Жигульский, А.В. Тамбовское крестьянство и 25-тысячники в строительстве колхозов. Опыт взаимодействия. [Текст] / А.В. Жигульский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №9 (137).С. 125-135 (0,9 печ. л.).

3. Жигульский, А.В. Опыт взаимодействия власти и общества в условиях голода 1932 – 1933 гг. (на примере Тамбовской области). [Текст] / А.В. Жигульский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т.23 (174). С. 181-190 (0,7 печ. л.).

4. Жигульский, А.В. Отношение населения Тамбовского региона к проводимым мероприятиям ВКП (б) во второй половине 1930-х гг. (на основе писем и дневников) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т.23 (176). С. 179-188 (0,7 печ. л.).

Статьи в других научных изданиях:

5. Жигульский, А.В. Иностранцы о взаимоотношении власти и общества в 1930-е годы на основе мемуарных источников [Текст] / А.В. Жигульский // Геродот: научно-теоретический и практический журнал молодых ученых. 2014. №8. – С. 47-58. (0,5 печ. л.).

6. Жигульский, А.В. Крестьянские письма как исторический источник по истории отношений общества и власти в СССР в 1920 – 1930-е гг. [Текст] / А.В. Жигульский // XIX Державинские чтения. Институт гуманитарного и социального образования: материалы Общероссийской научной конференции. 2014. – С. 29-31. (0,2 печ. л.).

7. Жигульский, А.В. Особенности взаимоотношения власти и крестьянства в 1920-е – начале 1930-х годов [Текст] / А.В. Жигульский // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953 – 2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Материалы VIII Междунар. науч. конф. – Краснодар, 2013. – С. 189-195. (0,4 печ. л.).

8. Жигульский, А.В. Тамбовские крестьяне и власть в 1930 – 1933 гг. в сводках и переписке ОГПУ [Текст] / XIV науч.–практ. конф. молодых ученых

«Шаг в историческую науку». Секция: Актуальные проблемы истории России. – Екатеринбург, 2014. – С. 45-48. (0,3 печ. л.).

9. Жигульский, А.В. Общественно-политические настроения в советском обществе накануне Великой Отечественной войны (по письмам, дневникам и воспоминаниям) [Текст] / А.В. Жигульский // Социальная история Второй мировой войны. Материалы Междунар. конф. – Тамбов, 2017. – С. 435-441. (0,4 печ. л.).

Общий объем публикаций составляет 4,8 п.л.